

NADIĀ GEORGIIŪVNA KOLOŠUK
[(НАДІЯ ГЕОРГІЇВНА КОЛОШУК),
NADEŽDA GEORGIEVNA KOLOŠUK,
(НАДЕЖДА ГЕОРГИЕВНА КОЛОШУК),
NADIYA GEORGIIŪVNA KOLOSHUK] (Luck [Lutsk], Ukraine)
E-mail: n_koloshuk[at]ukr.net

„Не святой, а с кобзою казак Мамай”: поздняя лирика М. Сармы-Соколовского

Николай Александрович Соколовский¹ прожил длинную и трудную жизнь (1910-2001), перенёс тяжёлые утраты и испытал авантюрные повороты фортуны. Он был художником и кобзарём, священником Украинской автокефальной православной церкви (УАПЦ) и заключённым советского ГУЛАГа, рабочим и пенсионером под неусыпным наблюдением КГБ... С казаком Мамаем² он сам трижды сравнил своего лирического субъекта в последней, посмертной поэтической книге: “...цвітує Україна, / мій рідний край. / А я у нім – як той козак Мамай...” (“Тиша”)³; “Мене немає, / одначе – ще не край: / уже віками граю / та весело співаю / я, козак Мамай” (“Скриня

¹ Поэтический псевдоним “Мькола Сарма” появился в 1980 году вместе с первым стихотворным сборником “На осонье лета”. Дialekтное слово “сáрма” / “сарма”, как объяснял сам Соколовский, означает место течения реки, где вода не высыхает летом и не замерзает зимой. Дialeктологические словари подают близкое значение слова “сарма” – яма, глубокий омут.

² Казак Мамай (казак-странник, бродяга) – идеализированный образ казака и украинца вообще, созданный в украинской мифологии и народном искусстве: защитник украинского народа, степняк, странник, воин, мудрец, сказочник, кобзарь и “характерник” (ведун) в одном лице. Его изображения в досоветские времена можно было встретить почти в каждой украинской хате наравне с иконами. С именем Мамай тесно связаны давние фразеологические обороты “мамаювати” (путешествовать, казаковать, вести казачий образ жизни), “ходьпы на мамай” (ходить наобум, куда глаза глядят) [из Википедии].

³ “...цветёт Украина, / мой родной край. / А я в нём – как тот казак Мамай...” (“Тишина”). Подстрочный перевод стихов сделан нами по тексту, доступному в электронном варианте: М. О. Сарма-Соколовский, *Срібне перо соколиного лету: поезії*, Киев – Херсон 2009, 110 с. <http://prosvilib.ipsys.net/books/sarma/pero/pero.htm> [доступ: 28.07.2015]. В дальнейшем цитаты из сборника далее даются без ссылок на текст; в скобках указаны оригинальные названия стихотворений и перевод с украинского.

з малюнком”)⁴; “...на звичайній дошці тій / не святій, / а з кобзою козак Мамай” (“Ікона”)⁵. Поэтическое призвание было в его жизни, видимо, наиважнейшим: “Крізь все життя тягну струну / поезії моєї...” (“Павлові Дорожинському”)⁶. Особенно в поздние годы, когда бывшие занятия отошли в прошлое или стали непосильны, а перо в руке, даже после паралича, мог удерживать. Тогда и родились стихи, составившие основу последнего поэтического сборника с неповторимым авторским названием – “Серебряное перо соколиного полёта”. Сборник издан в 2009 году и донныне является единственной доступной (благодаря Интернету) поэтической книгой М. Сармы. Другие его книги трудно найти даже в академических библиотеках Украины.

Пережив уничтожающие обстоятельства и всяческие запреты, М. Сарма-Соколовский опубликовал в поздние годы почти десяток книг: стихотворный сборник “На осонье лета” (1980)⁷, поэму-думу “Анафема” (1993), книгу избранных стихов разных лет “Корни памяти” (1997), повесть “Плацаница” (опубликована в 1997 году журналом “Київ”), автобиографическую повесть “Моя причастность к ОУН” (писал с 1959 года, датирована 1974-1996)⁸, книгу стихов и прозы “Дорогой жатвы” (2000). Вышли из печати также “Документальные новеллы” (2001). Поэтический сборник “Серебряное перо соколиного полёта” (2009) и повесть “УСЛОНовцы” (2011) опубликованы посмертно.

Но задолго до появления книг в жизни неутомимого ветерана ОУН (Організація Українських Націоналістів) были аресты и жуткие приговоры (впервые арестован и осуждён в 1929 году), побег и долгие месяцы пребывания на нелегальном положении, под чужим именем; учёба на богословских курсах УАПЦ и рукоположение в сан священника, пасторская служба в буковинском селе Раранча, прерванная очередным арестом в 1948-м и смертным приговором, который в итоге заменили на 25 лет заключения. На

⁴ “Меня нет, / но ещё не конец: / уже века играю / и весело пою / я, казак Мамай” (“Сундук с рисунком”).

⁵ “...на обычной доске той / не святой / а с кобзою казак Мамай” (“Ікона”).

⁶ “Сквозь всю жизнь тяну струну / поэзии моей...” (“Павлу Дорожинскому”). Vide: Микола Сарма-Соколовський. *Коріння пам'яті. Поезії*, Київ 1997, с. 64.

⁷ После легального (по недосмотру КГБ) выхода в свет первого поэтического сборника все-ильная спецслужба организовала травлю автора в печати. Историк диссидентского движения в Украине В. Овсиенко в биографической статье указывает порочащие М. Соколовского публикации в советской периодике с красноречивыми названиями: “Возмездие” (газета “Прикарпатська правда”, 1980, 1 июля); “Под маской художника” (журнал “Жовтень”, № 6, 1984); “Четыреликий предатель” (газета “Зоря”, 1984, 14 июля). Vide: В. В. Овсієнко, *Микола Сарма-Соколовський (30.04.2008)*, сайт Віртуальний музей “Дисидентський рух в Україні”, <http://archive.khpg.org/index.php?id=1209543453> [доступ: 22.07.2015].

⁸ Vide: М. Сарма-Соколовський, *Моя причетність до ОУН*, Торонто 2000, 224 с. <http://ruthenos.org.ua/HTML/Biblioteka/sarma.html> [доступ: 06.01.2013].

первый взгляд, в этот ряд жизненных событий никак не вписывается священничество. Но в кубанском роду Соколовских прадед, дед, отец и дядя Мыколы были священниками. Священник УАПЦ Александр Соколовский умер тридцатитрёхлетним в 1923 году при странных обстоятельствах, после посещения чекистов, которые интересовались похоронами убитых украинских повстанцев в соседнем селе (о. Александр отправил по ним заупокойную службу). У М. Сармы есть стихотворение о том, как воспринимает (то есть до поры до времени не понимает!) детская психика жестокие удары судьбы; оно примечательно глубоко спрятанной внутри горькой иронией и печалью:

Я ріс без батька.

Материн брат,
мій дядько,
подарував мені
свої чоботи –
справжні, юхтові...
Звичайно, великі на мене,
але – добре взуття!
Я радів, що вже не босий.
А вночі на печі,
гріючи ноги в просі,
думав: “Яке ж гарне життя!”

(26.07.1988)⁹

В жизни М. Соколовского было много невероятных приключений – например, подделка документов (об этом рассказал он сам в интервью газете “День”¹⁰). А если бы не было попыток обмануть смерть и люютую власть, то, несомненно, и самого Соколовского не было бы в живых с молодых лет. Его первую жену Дину Шматько в 1942 году в Полтаве расстреляли гестаповцы. Вторая жена Варвара Клишко отсидела “за мужа” восемь лет в советских лагерях. За “связь с врагом народа” были репрессированы и другие родственники. В. Овсиенко скупко сообщает: “В 1948 году попал в западню [то есть побег из-под ареста в начале 1948 года и месяцы скитаний закончились

⁹ “Я рос без отца. / Брат матери, / мой дядя, / подарил мне / свои сапоги – настоящие, юфтевые... / Конечно, велики мне, / но – хорошая обувь! / Я радовался, что уже не босой. / А ночью на печи, / грея ноги в просе, / думал: ‘Как же хороша жизнь!’”. Vide: Микола Сарма-Соколовський. *Коріння нам'яті. Поезії*, Київ 1997, с. 134.

¹⁰ Интервью Лесе Гагже: Микола Сарма-Соколовський: “*Не думав я дожить до ветхих літ*”, “День”, Київ 2007, 13 червня. <http://www.day.kiev.ua/ru/article/obshchestvo/mikola-sarma-sokolovskiy-ne-dumav-ya-dozhit-do-vethih-lit> [доступ: 22.07.2015].

поймкой беглеца – Н. К.]. Связанного С. отвезли в Станиславское МГБ. [...] Трибунал Прикарпатского военного округа осудил С. на казнь. В камере смертников он пробыл 15 суток. Расстрел заменили на 25 лет лагерей. На такой же срок засудили и его жену Варвару, братьев Леонида и Анатолия, шурина Ивана. [...] Отбывал наказание в Инте, Абези Коми АССР. На его 'деле' была красная полоса – 'Весьма опасен, склонен к побегам, использовать только на общих работах'"¹¹.

Видимо, изучение этой биографии – дело будущих исследователей; нынешние авторы публикаций о М. Сарме (в том числе и указанные в нашем списке В. Овсиенко, Л. Ганжа, В. Рыжков) ссылаются на рассказы самого писателя в автобиографических книгах и интервью. Основательных научных исследований творчества тоже нет – только краткие сообщения в Интернете "по случаю", причём статья в Википедии ошутимо не полна, в опубликованных интервью странные несоответствия¹², читательские отклики, как правило, отсутствуют.

Вопреки всем запретам, М. Соколовский и в неволе писал стихи, рисовал, тайно смастерил бандуру, учил товарищей играть на ней, а после смерти Сталина в лагере около Инты даже организовал ансамбль бандуристов. В то время в Интинском лагере возникло содружество интеллектуалов, авторитетом для которых был украинский переводчик Григорий Кочур. К нему тянулись люди, жаждавшие творческого труда и позже ставшие известными литераторами, мемуаристами, культурно-общественными деятелями: Дмитрий Паламарчук, Иван Савич (Лукьяненко), Андрей Химко (Хименко), Мыкола Василенко, Евгений Дацюк, Юрий Лисняк, Иван Гришин-Грищук, Григорий Полянкер, Михаил Хорунжий, Иван Микульский, Любомир Поллога, Кузьма Хобзей, Александр Гринько (будущий актёр украинского театра и кино); а также Василь Супрун (белорусский поэт), Рауль Кабидзе (грузинский писатель), Гасан Ахвердиев (азербайджанский писатель), Виктор Василенко (русский поэт, профессор МГУ) etc.¹³ М. Соколовский тоже был в этом кругу и до конца своих дней вспоминал Г. Кочура как учителя и наставника, с глубоким почтением: "*Умер мій учитель, / не тільки мій...[...]*" ("Одного разу Григорій Кочур")¹⁴. Они были почти одногодки – Кочур только двумя годами старше. Но ко времени их знакомства Кочур – продолжатель культурной миссии "неоклассиков", ученик уничтоженного в

¹¹ В. В. Овсієнко, *op. cit.*

¹² Например, указанное выше интервью Лесе Ганже можно отыскать в интернетном архиве газеты за 2007 год, хотя записано, видимо, в 1997-м. В публикации не упомянуто о смерти писателя.

¹³ В разных источниках это перечисление выглядит по-разному. Исходим из биографических данных о Гр. Кочуре, М. Сарме-Соколовском и других названных узниках Интинского лагеря.

¹⁴ "*Умер мой учитель, / не только мой*" ("Однажды Григорий Кочур").

1937-м украинского учёного, поэта и переводчика Мьколы Зерова, – был намного опытнее в литературном и переводческом деле. Через Кочура – единственное живое звено в ряду многих уничтоженных представителей “Расстрелянного Возрождения” 1920-1930-х годов – сохранялась преемственность искореняемой советской империей украинской культуры.

В сентябре 1961 года М. Соколовский был “освобождён”, хотя и дальше пребывал под надзором спецслужб, испытал притеснения и издевательства (формальной реабилитации не получил до конца жизни). Работал на заводе в Ворошиловграде, некоторое время вёл кружок бандуристов при местном педагогическом институте. В 1974-м был уволен с работы. Видимо, чтобы облегчить давление неусыпной “опеки”, поменял квартиру и переехал с семьёй в городок Новомосковск (бывшая Новоселица) Днепропетровской области, на свою “малую родину”. Там вышел на пенсию и даже сумел издать упомянутый сборник стихов. Это вызвало месть кагэбистов, не уследивших за подопечным. В 1984 году Соколовского снова арестовали и обманом вынудили подписать заявление, в котором оплёвывались его друзья-диссиденты¹⁵.

В 1991 году М. Соколовский стал настоятелем небольшой церкви УАПЦ в Новомосковске, возобновил общественную деятельность в ОУН и организации “Провіта”, приобщив к ней и членов своей семьи. Стал лауреатом Международной премии Фонда Тараса Шевченко, литературных премий имени Богдана Лепкого и имени Яра Славутича. Печатался в газете “Літературна Україна”, в журналах “Ранок”, “Жовтень”, “Дніпро”, издал несколько книг и давал интервью; его рассказы о kobзарях, которых знал в юности и уважал как “украинских Гомеров”, были записаны в 1993 году на видео¹⁶ – в свои восемьдесят с лишним он выглядел неожиданно молодым, владел точной памятью и ярким даром рассказчика. Его дом часто посещали друзья – в том числе бывшие диссиденты. Не случайно в последнем стихотворном сборнике столько посвящений, среди них и посвящения младшим деятелям культуры Приднепровья – Гавриле Прокопенко, Ивану Йову, Александре (Олесе) Ковалёвой, Татьяне Назаренко и другим.

Сборник “Серебряное перо соколиного полёта”¹⁷ подобрал не только позднюю лирику М. Сармы-Соколовского, но именно голос зрелого человека на закате долгой жизни звучит в нём наиболее выразительно. Отдельные

¹⁵ Vide: В. В. Овсієнко, *op. cit.*; Рижков В., *Доля, що вмістила “всі болі ХХ століття”*, “День”, Київ, 2012, № 3 (13 14 січня), с. 10.

¹⁶ Vide: *Микола Олександрович Сарма-Соколовський* (відеозапис 24.10.1993, чч. 3, 4). <http://videohit.tv/video/gFkWbgDQWjMBiUSvgVEbcCU/ut8h5p6jVr8/> [доступ: 19.07.2015].

¹⁷ Названием стала строка из стихотворения “В окружении зеркал”, которое не вошло в книгу. Датировано 6.10.91. Впервые напечатано в антологии: *Очима серія: Ув'язнена лірика*, В. І. Боровий (ред.), Харків 1992, с. 292.

стихи датированы 1953-м, 1966-м, 1975-м и прочими годами (обстоятельства публикации того или иного текста ещё надлежит выяснить). Основной массив текстов датирован 1990-ми; есть и подписанные датами последних месяцев жизни, обозначенные чувством неизбежного конца: “[...] *Осліп, / однак радію ранку, / що проступа крізь сліпоту – / мов крізь густу фіранку*” (“Скарга несамохіть”)¹⁸. Это книга жизненных итогов и раздумий о последнем пределе: “*Усе минає, / мов білий тополиний пух, – / тому й мене уже немає. / Лиш по мені – / Міцний козацький дух, / який / і нині суцїй, живе в мізерній шкаралуці, / що ребрами гранчата. [...]*” (“Граната”)¹⁹; “[...] *А я навіть не знатиму, / що мене / вже нема*” (“Аж дивно, що я – ще є”)²⁰. И невольных наблюдений и насмешек над собственной старостью: “*Живу як живеться, / зболіла старість – моя фортеця. / [...] В день мого народження / друзі подарували квіти, / а дружина – нові милиці. [...]*” (“Милиці”)²¹; “*Вже не боюся ніякого греця: / ні КГБ, / ні міліції. / Старість – моя фортеця, / зброя – милиці*” (“Тепер”)²². И всё ещё ноющих воспоминаний о прошлом: “*його ані забути / ані спинити / хоча воно нерухоме / як могили / як історія давня / над ним завжди крилить / моя невиспуца пам’ять*” (“Минуле далекіє”)²³; “[...] *Часе, ти взяв / мою молодість, / а чом з нею не взяв / мою пам’ять? – / щоб я не журився!..*” (“Упоєний сумною мелодією”)²⁴; “[...] *...ніяк не можу забути / колючих дротів стежу.../...а білюці хаці Інти / гудуть, ... гудуть, ... гудуть, ...*” (“Білий образок”)²⁵.

Несмотря на болезни и неминуемое одиночество старости, лирический герой этой книги удивительно молод душой, имеет пристальный и доброжелательный взгляд художника и цепкую память: “[...] *Я молився Божові щиро / і від нього маю дар – / пресвітлу пам’ять. / в якій палю думок пох-*

¹⁸ “[...] Ослеп, / но радуюсь утру, / проступающему сквозь слепоту. / как сквозь густую занавеску” (“Жалоба поневоле”).

¹⁹ “Всё проходит, / словно белый тополиный пух, – / потому и меня уже нет. / Лишь после меня – / Крепкий казацкий дух, / который / и ныне суцїй, живёт в жалкой скорлупе, / гранёной рёбрами. [...]” (“Граната”).

²⁰ “[...] А я даже не буду знать, / что меня / уже нет” (“Даже странно, что я – ещё есть”).

²¹ “Живу как живётся, / наболевшая старость – моя крепость. / [...] В день моего рождения / друзья подарили цветы. / а жена – новые костыли. [...]” (“Костыли”).

²² “Уже не боюсь ни черта: / ни КГБ, / ни милиции. / Старость – моя крепость, / оружие – костыли” (“Теперь”).

²³ “его ни забыть / ни остановить / хотя оно неподвижно / как могилы / как история древняя / над ним всегда крылит / моя неусыпная память” (“Прошлое отдаляется”).

²⁴ “[...] Время, ты взяло / мою молодость, / а почему с нею не взяло / мою память? – / чтоб я не кручинился!” (“Упоённый грустной мелодией”).

²⁵ “[...] ...никак не могу забыть / колочей проволоки след... / ...а белые заросли Инты / гудят, ... гудят, ... гудят, ...” (“Белый образок”). Как и всюду в стихотворных цитатах, сохраняем авторскую пунктуацию.

мурих рам'я. [...]” (“Світло пам'яті”)²⁶; “[...] Однак моє дивне серце / і досі, / навіть у пізню осінь, / жайворонить” (“Срібний образок”)²⁷. Поражает его неиссякаемая душевная щедрость, открытость миру, отказ от обид и ненависти, способность чувствовать себя счастливым и не бояться неминуемого конца: “[...] На когось воронько чека – / швидкий, окрилений Пегас. / А мій уже на схилку час. / Коли умру, / останнього не дописавши вірша, – / для мене заміє тиша” (“Тиша”)²⁸; “[...] Радію наче сонях” (“Сад над морем”)²⁹; “[...]...сприймаю за дотацію Господню / наступне завтра” (“Усіх ровесників я пережив,”)³⁰. Собственно, название первого раздела сборника – “Обнимая крыльями мир” – именно о таком содержании и говорит читателю.

Сборник состоит из жанрово и тематически разнообразных трёх разделов: свыше сотни стихотворений в первом, значительно меньше во втором – “Слеза Господнего глаза” (12 стихотворений), и в третьем – “Две тучки обнялись” (11 стихотворений). В предыдущей поэтической книге “Корни памяти” подобная трёхчастная структура была названа “тризубом”. Хотя автор – ровесник тех украинских поэтов, которые приходили в литературу на переломе 1920-1930-х, и содержанием, и стилем его книга ни на кого не похожа. Если рассматривать её в украинском историко-литературном контексте советского и постсоветского XX века, она поражает новизной: образный мир и проблематика, идеи, конфликты лирического героя с миром и их выражение ярко индивидуальны. Автор свободно чувствует себя вне правил печатаемой в Украине поэзии – просто делает многое иначе, чем делали другие стихотворцы. К примеру, иначе пишет заглавия и посвящения: в его книгах они являются частью стихотворения – первой строкой, хотя и выделены шрифтом и размером. Не использует обычного хронологического (как, впрочем, и узко тематического) принципа размещения стихотворений, но почти всюду ставит точные даты, как в дневнике. Не боится экспериментировать со словом, используя лексику из разных исторических пластов языка – архаическую, фольклорную, диалектную, современную, просторечную (в том числе и суржиковую), – включая неологизмы (в приводимых примерах они уже встречались: *пам'ять крилить*, *серце жайворонить* – созданы по присущей языку словотворческой модели и органически вписываются в

²⁶ “[...] Я молился Богу искренне / и от него имею дар – / пресветлую память, / в которой сжигаю угрюмых мыслей ветошь. [...]” (“Свет памяти”).

²⁷ “[...] Но моє странное сердце / и поныне, / даже поздней осенью, / жаворонит” (“Серебряный образок”) [разрядка авторская].

²⁸ “[...] На когось вороной ждєт – / быстрый, окрылённый Пегас. / А моє уже на закате время. / Когда умру, / не дописав последнее стихотворение, – / для мене онемєє тишина” (“Тишина”).

²⁹ “[...] Радуюсь словно подсолнух” (“Сад над морем”).

³⁰ “[...] ...воспринимаю как дотацію Господню / следующее завтра” (“Всех однодждков я пережил.”).

стилистическую ткань текста). Не ограничивает себя правилами традиционной пунктуации, метрики и строфики. При этом лексическая и синтаксическая фактура его стиха легка, прозрачна, разнообразна и богата. Он – мастер необычных рифм и внутренних созвучий (хотя использует чаще всего свободный стих), оригинальной ритмики и метрики. Среди стихов сборника есть несколько визуальных стихотворений: “Окно зрительной поэзии”, “Мельница”, “Туннель” (наследие М. Сармы уже привлекло внимание любителей экспериментальной визуальной поэзии³¹).

Ещё одна формальная изюминка в сборнике – цикл из 16 миниатюр “Неожиданные хайку” (к примеру: “*Сірість дня / із плямами осені / черга в поліклініці*”³²). На то, что экспериментальные формы – не случайность, указывает наличие визуальных стихотворений (“Колокол гетмана Ивана Мазепы”, “Кобзарям Колиивщины”, “Самое сердечное сердце”) и в предыдущей поэтической книге “Корни памяти”; был там и цикл “Пятистишия” (1982), соотносимый с японской формой танка. Не говоря уж о том, что в обеих книгах большинство стихотворений тоже, фактически, являются оригинальными миниатюрными формами – объёмом до десяти строк. Приведём примеры из двух-трёх строк, считая заглавие: “*Молодик на хмаринці шовковій – / наче срібна серга на вухові / Івана Підкови*”³³; «*Бессоння – / це відсутність вимикача в голові*»³⁴. В целом эта книга – интереснейший материал для тех, кто хочет видеть в поэзии прежде всего “отступления от правил”. В своём неожиданном “формализме” М. Сарма выглядит исключением среди поэтов-лагерников своего поколения (к которым, безусловно, принадлежит, поскольку как поэт сформировался в Инте), ведь из них практически никто не декларировал эстетические поиски и не демонстрировал формальные эксперименты.

У поэта, озабоченного оригинальностью формы, вполне предсказуемы мотивы предназначения поэзии, художнического призвания, которые встречаем и в других сборниках М. Сармы. В “Серебряном пере...” можно выделить так называемый неавторский (не выделенный самим поэтом в отдельное целое) цикл стихов на указанную тему – по традиции назовём её *ars poetica* – между которыми ощутима тематически-идейная дистанционная связь, то есть не подсказываемая соседством стихотворений: “На чёрном стекле зимней ночи”, “Григорию Кочуру”, “Однажды Григорий Кочур”.

³¹ Vide: *Візуальна (зорова) поезія сьогодні* (М. Мірошниченко, В. Женченко, М. Сарма-Соколовський, А. Мойсієнко) : [конспект уроку в 9 кл.] [в:] *Методична скарбничка* (ВКонтакте). <http://metoduchka.com/vizualna-zorova-poezija-sohodni-m-miroshnychenko-v-zhenchenko-m-sarma-sokolovskij-a-mojsijenko/> [доступ: 19.07.2015].

³² “Серость дня / с пятнами осени / очередь в поликлинике”.

³³ “Молодой месяц в тучке шелковой – / будто серебряная серга в ухе / Ивана Подковы”.

³⁴ “Бессонница – / это отсутствие выключателя в голове”.

“Мьколле Мирошниченку в Киев”, “Ищу как искал”, “Игорю Трачу”, “Гавриле Прокопенку”, “Тишина (Петру Перебийносу)” etc. Посвящения в названиях или вместо них закономерны, поскольку голос лирического субъекта звучит как обращение в диалогах с собеседниками-художниками. Григорию Кочуру отведено особое место, подчёркнутое соседством двух посвящённых ему стихотворений (единственный пример непосредственного соседства в цикле), хотя тексты разделены более чем двумя десятилетиями: первое датировано 7.11.1975 и обращено к живому Мастеру, второе – 17.02.1998, когда Кочур уже ушёл из жизни. И его ученик чувствует себя оставленным: “*Одного разу Григорій Кочур / мені сказав: не треба писати багато, / але треба, щоб кожен віри / був подією. [...] Я нині написав, як завше, віри / і хочу знати – але нема в кого спитати – / подія це, / а чи звичайний собі віри*”³⁵. Видимо, сомнения не покидали поэта, лишённого естественной связи с читателями-современниками, хотя он и считал свой талант Божьим даром и одновременно гражданским долгом: “[...] *Але кому потрібен / такий буремний зміст? [...] Я – України син, / а ще від Бога маю хист. [...]*” (“Миколі Мірошниченкові у Київ”)³⁶. Примечательно, что это стихотворение – одно из немногих – обозначено несколькими датами, которые свидетельствуют о неоднократном возвращении автора к тексту: 23.09-25.11.1998, 22.01.2000.

По идейно-тематическому и образно-тематическому принципам можно выделить в первом разделе книги ещё несколько неавторских циклов. Второй и третий разделы, очевидно, можно считать авторскими циклами, поскольку второй раскрывает авторские отношения с Богом, а третий объединяет самые интимные стихи – некоторые посвящены жене, другие – воспоминаниям о погибшей любимой, о давней разлуке и непреходящей боли этой утраты. Трёхчастная структура-“тризуб” подобного содержания в аннотации предыдущего сборника “Корни памяти” (редактор М. Мирошниченко) определена таким образом: “...поэзия борьбы и страданий ради утверждения украинской идеи... философская и богоискательская изысканно-рефлексивная лирика... стихи о любви”³⁷. Кроме цикла *arg poetica*, в последнем сборнике можно определить циклы соответственно главным мотивам – “воспоминания о давнем”, “старость”, “современность” etc.

³⁵ “Однажды Григорий Кочур / мне сказал: не нужно писать много, / но нужно, чтобы каждое стихотворение / было событием. [...] Я сегодня написал, как всегда, стихотворение / и хочу знать / – да не у кого спросить – / событие ли это, / или обычное стихотворение” “Однажды Григорий Кочур”.

³⁶ “[...] Но кому нужно / такое бурное содержание? [...] Я – Украины сын, / а ещё от Бога имею талант. [...]” (“Мьколле Мирошниченку в Киев”).

³⁷ Микола Сарма-Соколовський, *Коріння пам'яті. Поетії*, Київ 1997, с. 2.

Поэт не чуждался злободневных тем (в том числе и политических), каждый раз выражая неординарное и независимое от чужих мнений понимание мира, в котором всегда был воителем, а не наблюдателем. Прямые авторские аттестации в стихотворениях, открывающих книгу, – “Сумерк” (это один из авторских неологизмов – “Смерк”), “Мир состоит” и особенно “Постоялец сталинских тисков” (поэтический автопортрет с цитатой-лозунгом из скандально известного с 1948 года “националистического” стихотворения В. Сосюры) – искушают к восприятию этой лирики как декларативно патриотической, идеологически ангажированной. Но прочитаем внимательнее, к примеру, второй из названных текстов:

Світ складається

з осоння та мли
де квіти і руїна
Туга серце тлить
вже час мені геть піти
а як же
Україна

А так як і по тих
що раніше пішли³⁸ (24.04.1998)

Сохраняем все особенности – вплоть до графического размещения строк на странице, чтобы показать, как насыщенно и ёмко это рефлексивное (а не декларативное) стихотворение: важна каждая пауза и спонтанная рифма, отсутствие пунктуации и присутствие заглавных букв, как и каждый излом строки в непредсказуемом ритмическом и интонационном рисунке, выраженном графикой. Следует подчеркнуть, что автор, будучи художником по образованию, владел графикой и прикладными искусствами. К примеру, пропуск строки перед двумя последними – это длинная пауза после вопроса, который читатель сам должен заметить, поскольку нет вопросительного знака. И прочитать в нём и в заключительном двустишии горький скептицизм и постоянную, давнюю боль в авторском пунктирном, спрятанном в подтексте раздумье: насколько ценна единственная человеческая жизнь в ряду многих погибших, не дождавшихся свободы родной стране? И что ты, старый человек, можешь сделать с этой обесцененной жизнью? Никакого пафоса – ни восклицания – просто нет, зато концентрируется внимание на трагической безысходности.

³⁸ “Мир состоит / из осонья и мглы / где цветы и руины / Тоска сердце гложет / уже время мне прочь уйти / а как же / Украина // А так же как и после тех / что раньше ушли”.

По поводу предмета таких раздумий в сборнике нередко оригинальные общественно-политические сентенции, сатирические аллегории: “[...] *Україна – наша постійний щем, / ми на неї / задовго / ждем*” (“Іванові Іову”) ³⁹; “*Велет-удав / на маленького їжачка напав [...]*” (“Росія і Чечня”) ⁴⁰; “[...] *Добродію з села! / Я знаю твої болі й жалі: / ти в колгоспі поховав / любов до землі*” (“Аграрні колбочки”) ⁴¹. Образы из давней украинской истории, как и современная политика, приобретают карнавальнo-балаганный колорит: “[...] *На конику Богдан – / як вершник каруселі. [...] В роззубі Президент шукає думку влучну, / та бракує голови – / лиш має кучму*” (“Де височіє постать з мечем”) ⁴². Остро звучат инвективы против тех современников, кто в глазах старого священника-патриота был коварнейшим врагом собственного народа, – против служителей московской церкви в Украине: “*Ви не пастирі – попи Гапони... [...] Пописька-землячки, / ви – мов у рані гробачки. [...] Як і в старі часи, / фальшуютъ ваші голоси...[...]*” (“Церковним служителям московської конфесії”) ⁴³.

В сборнике пульсирует неуёмная энергия действия – творческого и гражданского кредо художника, выраженного словами: “*Я люблю неспокій, / і моє серце розраховане / на сто років. / Але мені потрібна і тиша, / в якій віршами сню. / Коли напишу останнього вірша – / сам своє серце спино*” ⁴⁴. Воинственный темперамент не единожды вспыхивает метафорами костра, сгорания в огне (“*Коли спажну востаннє, / мій віри / здмхне / із себе полїл*” ⁴⁵; “[...] *Допоки жевєріє душі моєї ватра...[...]*” – “Усіх ровесників я пережив,” ⁴⁶), воспоминаниями о боевых друзьях – украинских повстанцах, погибших молодыми: “[...] *Лежу, хворий, на білій постелі, / а мені здається, що*

³⁹ “[...] Украина – наша постоянная боль, / мы её / слишком долго / ждём” (“Івану Іову”).

⁴⁰ “Великан-удав / на маленького їжика напал [...]” (“Россия и Чечня”).

⁴¹ “[...] Благодетель из села! / Я знаю твои болячки и жалобы: / ты в колхозе похоронил / любовь к земле” (“Аграрные шипы”).

⁴² “[...] На лошадке Богдан – / как всадник карусели. [...] В растерянности Президент ищет мысль меткую, / да не хватает головы – / имеет только кучму” (“Где возвышается фигура с мечом”). Имеется в виду монумент Родине-матери на киевских холмах над Днепром. Украинское разговорное слово “кучма” означает “лохматая голова”, “копна волос” (игра слов с фамилией тогдашнего президента Украины Леонида Кучмы). “На конику Богдан” – памятник Богдану Хмельницкому на Софиевской площади в Киеве.

⁴³ “Вы не пастыри – попы Гапони...[...] Попица-землячки, / вы – будто в ране червячки. [...] Как и в старые времена, / фальшуютъ ваши голоса.../ [...]” (“Церковным служителям московской конфессии”).

⁴⁴ “Я люблю беспокойство, / и моё сердце рассчитано / на сто лет. / Но мне нужна и тишина, / в которой снятся мне стихи. / Когда напишу последнее стихотворение – / сам своё сердце оставлю” (“Я люблю беспокойство”).

⁴⁵ “Когда вспыхну в последний раз, / мой стих / сдует с себя пепел” (“Когда вспыхну в последний раз”).

⁴⁶ “[...] Пока теплится очаг моей души...[...]

я у Карпатах / молюся на скелі / за хлопців полеглих” (“Марення”)⁴⁷. Не раз вспоминает оружие – казацкую саблю (“Козак Голота”), “гранчасту партизанську гранату” (“Донечці Оксані”⁴⁸, “Граната” etc.) или наган: “Щільно римуються / туман і наган / тому я / поет-партизан [...]” (“Щільно”, “Мої руки пам’ятають зброю,”)⁴⁹. И даже воинственно заявляет: “[...] ...друкую вірши – / немов гострю багнет, / шкочуючи, що моя машинка / не сучасний кулемет” (“У холодних буднях”)⁵⁰.

В то же время поэту присуще благоговейное отношение к Слову и поэзии, поскольку в них видит проявление Господнего присутствия в мире: “Сутність людства / без поезії / була б дуже вбога – / тому поезія потрібна, / як і віра в Бога” (“Ігореві Трачеві”)⁵¹. Иным проявлением такого присутствия для Сармы была природа – он полон пантеистического восхищения перед Богом-природой, перед красотой каждого дня: “[...]...це дивне світання, / якому хочеться молитись. [...]” (“Набридло і серцю в зимових снах,”)⁵². В то же время вера в Царство Небесное в душе поэта-священника была далека от догм ортодоксального православья и преисполнена привязанностью к земле: “[...] Знаю, ой знаю, / моєї душі Бог не пустить до раю – / одна блукатиме без краю, / бо я грішив у довгому щоденні / і маю на душі плями, / а тому вона ночуватиме на клені / разом із дикими голубами” (“Кожен листок клена –”)⁵³.

В книге свыше трёх десятков посвящений коллегам и друзьям, среди них и побратимам интинской неволи. Поэт будто мысленно собирал вокруг себя единомышленников, делясь с ними своими думами и болью. Осознавая, сколь многие уже ушли, обращался ко всем соотечественникам, как бы очищая свою память и совесть: “**Постійник сталінських лабет, / невеличкий художник, / трохи більший поет / і такий же кобзар, / але ж у сані – протоієрея, – / все згадане / маю за Божий дар, / котрий отримав як дивосвіт, / де бандура – мій щит, / фелон – кирея, / а хрест – криця stoleза, / що в дії не-**

⁴⁷ “[...] Лежу, больной, в белой постели, / а мне кажется, что я в Карпатах / молюсь на скале / за павших парней” (“Бред”).

⁴⁸ “Гранёную партизанскую гранату” (“Доченьке Оксане”).

⁴⁹ “Плотно рифмуются / туман и наган / поэтому я / поэт-партизан [...]” (“Плотно”); “Мої руки помнят оружие,”.

⁵⁰ “[...] ...печатаю стихотворение – / будто точку штык, / жалея, что моя (пишущая) машинка / не современный пулемёт” (“В холодных буднях”).

⁵¹ “Сущность человечества / без поэзии / была бы очень убогой – / поэтому поэзия нужна, / как и вера в Бога” (“Игорю Трачу”).

⁵² “[...]...этот удивительный рассвет, / которому хочется молиться. [...]” (“Надоело и сердцу в зимних снах,”).

⁵³ “[...] Знаю, ой знаю, / мою душу Бог не пустит в рай – / одна будет бродить без конца, / потому что я грешил в долгих буднях / и имею на душе пятна, / а потому она будет ночевать на клёне / вместе с дикими голубями” (“Каждый листик клёна –”).

*має загину: / поруч молитви моєї – / Володимира Сосюри теза: / Любіть Україну!*⁵⁴ (17.01.1994).

Сравним с одним из первых стихотворений автора, написанным в камере смертников в 1948 году (восстановлено по памяти в повести “Моя причастность к ОУН”):

Я захинаюсь смертною журбою,
вона, мов присок той, пече мене!
Життя,
я вже прощаюся з тобою,
можливо, із останнім днем?
[...]
А все за ту, майбутню Україну,
яка ніколи не зазна загину,
й не стане тільки міражем:
ми смертно нашою, як і повинно,
її безсмертя збережем!⁵⁵

Между двумя стихотворениями прошло почти полвека (точнее – 45 лет) трудной жизни автора. Они не сломили и не согнули его, не заставили разочароваться в идее, за которую был гоним. Зато сделали его мудрым, рассудительным, требовательным к себе и самоироничным. Не отняли у него радости, потому что радость он умел лелеять в сердце: “[...] *Крізь трати я дивився / і бачив там лиш сонце і життя...[...]*” (“Камера смерті”⁵⁶; стихотворение впервые опубликовано в подборке лагерных стихотворений поэта в антологии “Глазами сердца”, без даты)⁵⁷.

Лирика М. Сармы-Соколовского заслуживает значительно более глубокого и пристального изучения – стиховедческого, мифопоэтического, стилистического анализа etc. В данном случае ограничиваемся лишь обзором главных тем и мотивов позднего сборника, указывая на то, что составляет тематический стержень: патриотическая идея, истовая преданность автора Украине –

⁵⁴ “Постоялец сталинских тисков, / небольшой художник, / немного больше – поэт / и такой же кобзарь, / но ведь – в сане протоиерея, – / всё упомянутое / считаю Божьим даром, / который получил как чудо-свет, / где бандура – мой щит, / фелонь – мантия, / а крест – сталь в сто лезвий, / которая в действии не имеет погибели: / рядом с молитвой моей – / Владимира Сосюри тезис: / Любите Украину!”

⁵⁵ “Я захлёбываюсь смертной тоской, / она, как огонь, меня жжёт! / Жизнь, я уже прощаюсь с тобой, / может, с последним днём? / [...] А всё за ту, будущую Украину, / которая никогда не умрёт, / не станет только миражем: / мы смертью нашей, как и должно, / её бессмертие сохраним!”. Vide: М. Сарма-Соколовський *Моя причетність до ОУН*, <http://ruthenos.org.ua/HTML/Biblioteka/sarma.html> [доступ: 06.01.2013].

⁵⁶ “[...] Сквозь решётку я смотрел / и видел там лишь солнце и жизнь...[...].” (“Камера смерті”).

⁵⁷ *Очима серця: Ув'язнена лірика*, В. І. Боровий (ред.), Харків 1992, с. 284

и открытость миру, способность радоваться его красоте, постоянное чувство Господнего благословения и ответственности перед Богом за творческий дар и земную жизнь. Свободно владея метрикой классического стиха (об этом свидетельствуют предыдущие сборники, в частности и лагерные стихи, среди которых есть, например, сонеты), М. Сарма использовал в поздней лирике главным образом переходную к верлибру форму стиха и не чуждался экспериментов. Это было проявлением той внутренней свободы, к которой он всю жизнь стремился с неукротимой силой и энергией.

Аннотация

“Не святой, а с кобзою казак Мамай”: поздняя лирика М. Сармы-Соколовского.

Цель исследования – рассмотрение образно-тематического содержания посмертного лирического сборника “Серебряное перо соколиного полёта”, автор которого – украинский священник и бывший заключённый ГУЛАГа Николай Соколовский (поэтический псевдоним – Мькóла Сárма). Биография и творчество необычного поэта практически не изучены. В данном исследовании использованы историко-литературный и проблемно-тематический **подходы** к прочтению его поздней лирики. **Актуальность** обусловлена значительной общественной и культурно-эстетической ценностью творчества поэта. **Новизна** исследования в том, что сборник “Серебряное перо соколиного полёта” (издан посмертно в 2009 году) впервые рассмотрен в литературно-исторической перспективе, проанализированы главные тематически-образные мотивы и идейные аспекты. Индивидуальной поэтической манере поэта дана литературоведческая оценка. **Главные выводы.** М. Сарма-Соколовский стал поэтом в неволе – в лагере Инта, где отбывал срок в 1949-1961 годах. Его можно отнести к “Интинской школе” украинской поэзии в XX веке – кругу интеллектуалов, испытавших на себе влияние выдающегося украинского переводчика Григория Кочура, который в заключении не прекращал творческую работу и “заразил” ею многих сокамерников в Инте. Будучи почти ровесником Кочура, Соколовский считал себя его учеником. Кроме литературного таланта, он был одарённым художником и музыкантом-кобзарём, но после заключения не смог вполне реализовать свои творческие силы, находясь под надзором КГБ. Последняя книга М. Сармы – это “книга старости”, жизненных итогов и расцвет его таланта. Она во многом по-новому раскрыла поэта и художника, обнаружив его тягу к экспериментам с поэтическим словом и образом, со стихотворной формой. Творчество М. Сармы требует более глубокого изучения – стиховедческого, мифопоэтического; но прежде всего биографического и текстологического.

Ключевые слова: лирика М. Сармы-Соколовского, “Интинская школа” в украинской поэзии, сборник “Серебряное перо соколиного полёта”, образно-тематические мотивы, визуальная поэзия.

Title in Polish / Tytuł po polsku:

„*Nie jest święty, a z kobzą Kozak Mamai*”: późna liryka M. Sarmy-Sokołowskiego.

Streszczenie (abstrakt) po polsku:

Celem badań – jest rozpatrzenie treści obrazowo-tematycznego, pośmiertnego zbioru wierszy lirycznych “Srebrne pióro lotu sokoła”, którego autorem jest ukraiński ksiądz i były więzień Gułagu Mikołaj Sokołowski (pseudonim poetki - Mykoła Sarma). Biografia i twórczość niezwykłego poety są praktycznie jeszcze niezbadane. W badaniu wykorzystano ujęcia historycznoliterackie i problemowo-tematyczne do odczytania późnej liryki tego poety. Znaczenie tekstów wynika z dużej społecznej i kulturowo-estetycznej wartości jego twórczości. Nowość badania polega na tym, że zbiór “Srebrne pióro lotu sokoła” (wydany pośmiertnie w 2009 roku) po raz pierwszy ujęto w historycznoliterackiej perspektywie, zanalizowano główne tematyczne motywy i aspekty ideowe. Indywidualnemu, poetyckiemu sposobowi pisania wierszy, który stosował poeta, dodano ocenę pod względem estetycznym i literaturoznawczym. **Główne wnioski.** M. Sarma-Sokołowski został poetą w niewoli – w obozie Inta, gdzie odbywał karę w latach 1949-1961. Poetę można uważać w poezji ukraińskiej w XX wieku za ucznia „Szkoły w Incie” – kółka kreatywnych osób, które były zainteresowane literaturą i znajdowały się pod wpływem Grzegorza Kochura. Ten słynny ukraiński tłumacz nigdy nie odchodził od swej twórczej pracy, nawet w więzieniu i „zaraził” nią wielu “współlagierników” (współtowarzyszy w więzieniu) w Incie. Będąc prawie rówieśnikiem Kochura, Sokołowski uważał się za jego ucznia. Poza uprawianiem literatury, był on także utalentowanym artystą i muzykiem-kobziarzem, ale po więzieniu pod nadzorem KGB nie był w stanie w pełni realizować swoje siły twórcze. Ostatnia książka M. Sarma-Sokołowskiego – to „księga starości”, czyli księga wniosków z życia i rozkwit jego talentu. Jest to pod wieloma względami nowy, otwarty poeta i artysta, który ujawnił swoją skłonność do eksperymentowania z poetyckimi słowami i obrazami w poetyckiej formie. Twórczość M. Sarma-Sokołowskiego wymaga dalszych badań – poznania wierszy, mitów poetyckich; ale przede wszystkim biografii i tekstów.

Słowa kluczowe: liryka M. Sarma-Sokołowskiego, „Szkola w Incie” w ukraińskiej poezji, zbiór wierszy „Srebrne pióro lotu sokoła”, obrazowo-tematowe motywy, poezja wizualna.

Title in English:

Title in English:

“He’s not a saint, but with a bag-pipe – Cossock Mamay”: M. Sarma-Sokolovskiy’s late lyric poetry.

Summary (abstract) in English:

The purpose of the article is to examine the themes and images of the post-humous lyric collection “A silver feather of falcon flight” (published in 2009), written by the Ukrainian priest and former prisoner of Gulag – Mikolai Sokolovskiy (his poetic pseudonym was Mykola Sarma). The biography and the work of this extraordinary poet has practically not been a subject of scholarly study, hence the novelty quality of the research that gave rise to the present paper. The article focuses on M. Sarma-Sokolovskiy’s late lyric poetry to the reading of which we applied a historical and literary approach combined with close attention paid to thematic and ideological aspects of the texts. The significance of M. Sarma-Sokolovskiy’s poetry is related to the great social, cultural and esthetic value of his texts. In the present paper his posthumously published work, which very well reveals his individual poetic style, has been estimated from theoretical and esthetical perspectives. **Main conclusions.** M. Sarma-Sokolovskiy became a poet when he was imprisoned – in the camp in Inta, where he served his time in 1949-1961. He can be considered as a member of the Inta-school of Ukrainian poetry in the 20th century. It was a group of creative people who were interested in literature and were under the influence of the prominent Ukrainian translator Grigory Kochur. He never stopped his literary activity, even when he was in prison, and in this way he deeply affected the other inmates in Inta. M. Sarma-Sokolovskiy was a near-contemporary of Kochur, but he regarded himself as Kochur’s disciple. Apart from writing poetry, he was also a talented artist and a bagpipe-player, but after the time spent in prison under the KGB’s surveillance, he was not able to fully carry out creative work. His last work was “a book of old age”, that is a book of conclusions drawn from his life; it represented the blossoming of his talent. In many ways M. Sarma-Sokolovskiy can be considered as a new, modern, open-minded poet and artist who revealed his ability to experiment with poetic words and poetic images. M. Sarma’s oeuvre calls for a more profound study which would include examination of his poems, of poetic myths, and first of all biographical and textual criticism..

Keywords: M. Sarma-Sokolovskiy's lyric poetry, the Inta-school of Ukrainian poetry, poetry collection "Silver feather of falcon flight", thematic and imaginal motifs, visual poetry.

Bibliography:

Литература / Bibliography:

Primary bibliographical sources:

Сарма-Соколовський Микола Олександрович, *Коріння пам'яті. Поезії*, Видавництво імені Олени Теліги, Київ 1997, 280 с.

Сарма-Соколовський Микола Олександрович, *Моя причетність до ОУН*, без видавництва, Київ – Торонто 2000, 224 с. <http://ruthenos.org.ua/HTML/Biblioteka/sarma.html> [доступ: 06.01.2013].

Сарма-Соколовський Микола Олександрович, "Не думав я дожити до ветхих літ", інтерв'ю записала Леся Ганжа, "День", Київ, 2007, 13 червня. <http://www.day.kiev.ua/ru/article/obshchestvo/mikola-sarma-sokolovskiy-ne-dumav-ya-dozhit-do-vechih-lit> [доступ: 22.07.2015].

Сарма-Соколовський Микола Олександрович, *Срібне перо соколиного лету: поезії*, Просвіта, Київ – Херсон 2009, 110 с. [в:] Просвіта Херсонщини <http://prosvilib.ipsys.net/books/sarma/pero/pero.htm> [доступ: 28.07.2015].

Secondary bibliographical sources:

Візуальна (зорова) поезія сьогодні (М. Мірошніченко, В. Женченко, М. Сарма-Соколовський, А. Мойсієнко) [конспект уроку в 9 кл.] [в:] Методична скарбничка (ВКонтакте), <http://metoduchka.com/vizualna-zorova-poezija-sohodni-m-miroshnychenko-v-zhenchenko-m-sarma-sokolovskiy-a-mojsijenko/> [доступ: 19.07.2015].

Микола Олександрович Сарма-Соколовський (відеозапис 24.10.1993, ч. 3), <http://videohit.tv/video/gFkWbgDQWjMBiUSvgVEbcrCU/ut8h5p6jVr8/> [доступ: 19.07.2015].

Микола Олександрович Сарма-Соколовський (відеозапис 24.10.1993, ч. 4), http://onlaynfilmy.com/onlain/-13168623_166442545 [доступ: 19.07.2015].

Овсієнко Василь Васильович, *Микола Сарма-Соколовський (30.04.2008)* [в:] Віртуальний музей "Дисидентський рух в Україні", <http://archive.khpg.org/index.php?id=1209543453> [доступ: 22.07.2015].

Очима серця: Ув'язнена лірика, В. І. Боровий (ред.), Основа, Харків 1992. 384 с.

Рижков Вадим, *Доля, що вмістила "всі болі ХХ століття"*, "День", Київ, 2012, № 3 (13-14 січня), с. 10.

Bibliography transliterated into Latin Alphabet:

Primary bibliographical sources:

Sarma-Sokolovs'kij Mikola Oleksandrovič, *Korimá pam'ati. Poeziï*, Vidavniectvo imeni Oleni Teligi, Kiiiv 1997, ss. 280.

Sarma-Sokolovs'kij Mikola Oleksandrovič, *Moá pričetnist' do OUN*, bez vid-va, Kiiiv – Toronto 2000, ss. 224. <http://ruthenos.org.ua/HTML/Biblioteka/sarma.html> [Dostup 06.01.2013].

Sarma-Sokolovs'kij Mikola Oleksandrovič, “*Ne dumav á dožit' do vethih lit'*”, interv'û zapisala Lesâ Ganzá, “Den”, Kiiiv, 2007, 13.06. <http://www.day.kiev.ua/ru/article/obshchestvo/mikola-sarma-sokolovskiy-ne-dumav-ya-dozhit-do-vethih-lit> [Dostup 22.07.2015].

Sarma-Sokolovs'kij Mikola Oleksandrovič, *Sribne pero sokolinogo letu: poeziï*, Prosvita, Kiiiv – Herson 2009, ss. 110 [v:] Prosvita Hersonšini, <http://prosvilib.ipsys.net/books/sarma/pero/pero.htm> [Dostup 28.07.2015].

Secondary bibliographical sources:

Mikola Oleksandrovič Sarma-Sokolovs'kij (videozapis 24.10.1993, č. 3), <http://videohit.tv/video/gFkWBgDQWjMBiUSvgVEbcrCU/ut8h5p6jVr8/> [Dostup 19.07.2015].

Mikola Oleksandrovič Sarma-Sokolovs'kij (videozapis 24.10.1993, č. 4), http://onlaynfilmy.com/onlain/-13168623_166442545 [Dostup 19.07.2015].

Ovsiënko Vasil' Vasil'ovič, *Mikola Sarma-Sokolovs'kij* (30.04.2008) [v:] Virtual'nij muzej “Disidents'kij ruh v Ukraïni”, <http://archive.khpg.org/index.php?id=1209543453> [Dostup 22.07.2015].

Očma sercâ: Uv'âznena lirika, V. Ī. Borovij (red.), Osnova, Harkiv 1992, ss. 384.

Rižkov Vadim, *Dolá, šo vništala “vsi boli XX stolittá”*, “Den”, Kiiiv, 2012, № 3 (13-14.01), s. 10.

Vizual'na (zorova) poeziâ s'ogodni (M. Mirošničenko, V. Ženčenko, M. Sarma-Sokolovs'kij, A. Mojsiënko) [konspekt uroku v 9 kl.] [v:] Metodična skarbnička (VKontakte), <http://metoduchka.com/vizualna-zorova-poezija-sohodni-m-miroshnychenko-v-zhenchenko-m-sarma-sokolovskiy-a-mojsijenko/> [Dostup 19.07.2015].

Information about the Author

Information about the Author in English:

Nadiya Georgijivna Koloshuk (Prof. Ph.D., D.Sci., Doctor of Philology, Professor) graduated from T. H. Shevchenko Kyiv State University in 1982 with a specialty in philology in the Russian language and Russian literature. She is employed at Lesya Ukrainka Eastern European National University in Lutsk, Ukraine as a professor in the Department of Literary Theory and Foreign Literature. She is an expert in literature as a Slavist. Her dissertation, *The author's position in the modern prose about the village (based on the materials of the autobiographic works by V. Astafiev, M. Karim, M. Alekseiev)*, was defended in 1991. Her doctoral dissertation, *Prison-camp Prose as a Literary Phenomenon of the 20th Century (on the Basis of Ukrainian, Russian, Belarusian and Polish Literature)* was defended in 2007 in T. H. Shevchenko Institute of Literature of The National Academy of Sciences of Ukraine in Kyiv. Her specialties were in Ukrainian and Slavic literature. She published two books and over 130 articles (without coauthors) in Ukraine, Russia, Belarus and Poland. In 2006, she published the monograph, *The Camp Prose in the Paradigm of Post Modernism* in Lutsk. In 2010, she published *Ivan Bahrianyi: The Dominants of Creative Work and the Problems of Study* in Lutsk. Her e-mail address is [n_koloshuk\[at\]ukr.net](mailto:n_koloshuk[at]ukr.net)

Informacja o Autorce (po polsku) / Information about the Author in Polish:

Nadija Georgijivna Kolozuk, Nadiâ Georgijivna Kološuk [Nadežda Georgievna Kološuk, Nadiya Georgijivna Koloshuk (Надія Георгіївна Колошук, Надежда Георгиевна Колошук)]. (Prof. Ph.D., D.Sci.), doktor habilitowany filologii, profesor, literaturoznawczyni, slawistka. Ukończyła

studia w Państwowym Uniwersytecie imienia Tarasa Szewczenki w Kijowie w 1982 roku, specjalność – filolog-rusycysta. Profesor Katedry Teorii Literatury i Literatury Obcej w Instytucie Filologii Wschodnioeuropejskiego Narodowego Uniwersytetu imienia Łesi Ukrainki w Łucku (Ukraina). Pracę kandydacką pt. *Pozycja autorska we współczesnej prozie o wsi (na podstawie autobiograficznych dzieł V. Astaf'eva, M. Karima, M. Aleksejeva)* obroniła w 1991 roku w Państwowym Uniwersytecie imienia Tarasa Szewczenki w Kijowie. Specjalność – «Literatura narodów ZSRR». Pracę doktorską na temat *Proza obozowa jako zjawisko literackie XX wieku (na podstawie ukraińskiej, rosyjskiej, białoruskiej i polskiej literatury)* obroniła w 2007 roku w Instytucie Literatury imienia Tarasa Szewczenki Narodowej Akademii Nauk Ukrainy (Kijów); specjalność: „literatura ukraińska” + „literatura narodów słowiańskich”. Opublikowała dwie książki i ponad 130 artykułów (bez współautorów) ogłoszonych na Ukrainie, Białorusi, w Rosji i Polsce. Autorka książek: *Proza obozowa w paradygmacie postmoderny. Monografia* (Łuck 2006); *Ivan Bahránij: Dominanty twórczości a problemy badawcze. Podręcznik* (Łuck 2010). Krag zainteresowań naukowych: historia literatury ukraińskiej i literatur słowiańskich XX wieku, literatura dokumentalna ([literatura faktu] czyli *non fiction*), komparatystyka literacka, studia postkolonialne, etnoimagologia. E-mail: n_koloshuk[at]ukr.net

Informace o autorovi (v češtině) / Information about the Author (in Czech):

Nadija Georgijevna Kološuková, Prof. Ph.D., D.Sci., docentka filologie, profesorka, literární vědkyně, slavistka. V r. 1982 vystudovala ruskou filologii na Státní univerzitě Tarase Ševčenko v Kyjevě. Je profesorkou Katedry teorie literatury a cizích literatur v Ústavu filologie Východoevropské národní univerzity Lesy Ukrajinky v Lucku na Ukrajině. V r. 1991 obhájila kandidátskou práci *Autorská pozice v současné próze o venkově (na základě autobiografických děl V. Asafjeva, M. Karina a M. Alexejeva)* na Státní univerzitě Tarase Ševčenko v Kyjevě ve specializaci Literatura národů SSSR. V r. 2007 obhájila doktorskou práci na téma *Próza s tematikou koncentračních táborů jako literární jev 20. století (na základě ukrajinské, ruské, běloruské a polské literatury)* v Ústavu literatury Tarase Ševčenko Národní akademie věd Ukrajiny v Kyjevě ve specializaci Ukrajinská literatura a literatura slovanských národů. Vydala dvě knihy a více než 130 článků (bez spoluautorů) na Ukrajině, v Bělorusku, v Ruské federaci a v Polsku. Je autorkou knih *Próza s tematikou koncentračních táborů v postmoderním paradigmatu, Monografie* (Luck 2006), *Ivan Bahránij: Dominanty tvorby a výzkumné problémy. Příručka* (Luck 2010). Oblasti vědeckého zájmu: dějiny ukrajinské literatury a slovanských literatur 20. století, dokumentární literatura (literatura faktu – *non fiction*), literární komparatistika, postkoloniální studia, etnoimagologie. E-mail: n_koloshuk[at]ukr.net

[český překlad: Libor Martinek]

Informácie o autorke (v slovenčine) / Information about the Author (in Slovak):

Nadija Georgijevna Kološuková, Prof. Ph.D., D.Sci., docentka filológie, profesorka, literárna vedkyňa, slavistka. V r. 1982 ukončila štúdium ruskej filológie na Štátnej univerzite Tarasa Ševčenko v Kyjeve. Je profesorkou Katedry teórie literatúry a cudzích literatúr v Ústave filológie Východoeurópskej národnej univerzity Lesy Ukrajinky v Lucku (Ukrajina). V r. 1991 obhájila dizertačnú prácu *Autorská pozícia v súčasnej próze o dedine (na základe autobiografických diel V. Asafjeva, M. Karina a M. Alexejeva)* na Štátnej univerzite Tarasa Ševčenko v Kyjeve v špecializácii Literatura národov ZSSR. V r. 2007 obhájila doktorskú prácu na tému *Próza s tematikou koncentračných táborov ako literárny jav 20. storočia (na základe ukrajinskej, ruskej, bieloruskej a poľskej literatúry)* v Ústave literatúry Tarasa Ševčenko Národnej akadémie vied Ukrajiny (Kyjev) v špecializácii Ukrajinská literatúra a literatúra slovanských národov. Vydala dve knihy a viac ako 130 článkov (bez spoluautorov) na Ukrajine, v Bielorusku, v Ruskej federácii a v Poľsku. Je autorkou knih *Próza s tematikou koncentračných táborov v paradigme postmoderny. Monografia* (Luck 2006), *Ivan Bahránij: Dominanty tvorby a výskumné problémy. Príručka* (Luck 2010). Oblasti vedeckého záujmu: dejiny ukrajinskej literatúry a slovan-

ských literatúr 20. storočia, dokumentárna literatúra (literatúra faktu, t. j. *non fiction*), literárna komparatistika, postkoloniálne štúdiá, etnoimagoológia. E-mail: n_koloshuk[at]ukr.net

[slovenský preklad: Ivica Hajdučeková]

Информация об авторе (по-русски) / Information about the Author (in Russian):

Надежда Георгиевна Колошук, доктор филологических наук, профессор кафедры теории литературы и зарубежной литературы Восточноевропейского национального университета имени Леси Украинки, город Луцк, Украина. Закончила филологический факультет Киевского государственного университета имени Т. Г. Шевченко в 1982 году; специальность – филолог-русист («филолог, преподаватель русского языка и литературы»). Кандидатская диссертация на тему «*Авторская позиция в современной прозе о деревне (на материале автобиографических произведений В. Астафьева, М. Карима, М. Алексеева)*»; защита состоялась в 1991 году в Киевском государственном университете имени Т. Г. Шевченко. Специальность – «Литература народов СССР». Докторскую диссертацию на тему «*Лагерная проза как литературный феномен XX века (на материале украинской, русской, белорусской и польской литературы)*» защитила в 2007 году в Институте литературы имени Т. Г. Шевченко Национальной академии наук Украины (Киев). Специальность – «украинская литература» + «литература славянских народов». Опубликовала две книги и свыше 130 статей (без соавторов) в Украине, России, Беларуси, Польше. Книги: *Табірна проза в парадигмі постмодерну: Монографія* (Луцьк 2006); *Іван Багряний: домінанти творчості та проблеми вивчення: посібник* (Луцьк 2010). Научная специализация: литературовед, славист. Научные интересы: история украинской и славянских литератур XX века, документальная / нефикционная литература, сравнительное литературоведение, постколониальные студии, этноимagoология. E-mail: n_koloshuk[at]ukr.net

Інформація про автора / Довідка про автора (українською мовою) / Information about the Author (in Ukrainian):

Надія Георгіївна Колошук, доктор філологічних наук, професор кафедри теорії літератури та зарубіжної літератури Східноєвропейського національного університету імені Лесі Українки, місто Луцьк, Україна. Закінчила філологічний факультет Київського державного університету імені Т. Г. Шевченка в 1982 році, спеціальність – філолог-русист («філолог, викладач російської мови і літератури»). Кандидатську дисертацію на тему «*Авторська позиція в сучасній прозі про село (на матеріалі автобіографічних творів В. Астаф'єва, М. Каріма, М. Алексєєва)*» захистила 1991 року в Київському державному університеті імені Т. Г. Шевченка. Спеціальність – «Література народів СРСР». Докторську дисертацію на тему «*Табірна проза як літературний феномен XX століття (на матеріалі української, російської, білоруської і польської літератури)*» захистила у 2007 році в Інституті літератури імені Т. Г. Шевченка Національної академії наук України (Київ). Спеціальність – «українська література» + «література слов'янських народів». Опублікувала дві книги і понад 130 наукових статей (без співавторів) статей в Україні, Росії, Білорусі, Польщі. Книги: *Табірна проза в парадигмі постмодерну: Монографія* (Луцьк 2006); *Іван Багряний: домінанти творчості та проблеми вивчення: посібник* (Луцьк 2010). Наукова спеціалізація: літературознавець, славист. Наукові інтереси: історія української та слов'янських літератур XX століття, документальна / нефікційна література, порівняльне літературознавство, постколониальні студії, етноімагологія. E-mail: n_koloshuk[at]ukr.net

Звесткі пра аўтара (па-беларуску) / Information about the Author (in Belarusian):

Надзея Георгіеўна Калашук, доктар філалагічных навук, прафесар кафедры тэорыі літаратуры і замежнай літаратуры Усходнеўрапейскага нацыянальнага ўніверсітэта імя Лесі Українкі, горад Луцк, Украіна. Скончыла філалагічны факультэт Кіеўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Т. Г. Шаўчэнкі ў 1982 году; спецыяльнасць — філолаг-русіст (“філолаг, выкладчык рускай мовы і літаратуры”). Кандыдацкая дысертацыя па тэме “Аўтарская пазіцыя ў сучаснай прозе пра вёску (на матэрыяле аўтабіяграфічных твораў У. Астаф’ева, М. Карыма, М. Аляксеева)”; абарона адбылася ў 1991 годзе ў Кіеўскім дзяржаўным універсітэце імя Т. Г. Шаўчэнкі. Спецыяльнасць — “Літаратура народаў СССР”. Доктарскую дысертацыю па тэме “Лагерная проза як літаратурны феномен XX стагоддзя (на матэрыяле ўкраінскай, рускай, беларускай і польскай літаратур)” абараніла ў 2007 годзе ў Інстытуце літаратуры імя Т. Г. Шаўчэнкі Нацыянальнай акадэміі навук Украіны (Кіеў). Спецыяльнасць — “украінская літаратура” + “літаратура славянскіх народаў”. Апублікавала дзве кнігі і звыш 130 артыкулаў (без суаўтараў) ва Украіне, Расіі, Беларусі, Польшчы. Кнігі: *Лагерная проза ў парадыгме постмадэрну: Манарафія* (Луцк 2006); *Іван Багряный: дамінанты творчасці і праблемы вывучэння: дапаможнік* (Луцк 2010). Навуковая спецыялізацыя: літаратуразнавец, славіст. Навуковыя інтарэсы: гісторыя ўкраінскай і славянскіх літаратур XX стагоддзя, дакументальная /літаратура факту, параўнальнае літаратуразнаўства, посткаланіяльныя даследаванні, этнаімагалогія.

[Тлумачэнне на беларускую мову: Eugeniusz Pańkow і Olga Pańkova]